

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: МОХОВ С. (2021) АРХЕОЛОГИЯ РУССКОЙ СМЕРТИ. ЭТНОГРАФИЯ ПОХОРОННОГО ДЕЛА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. М.: ФПСИ «Хамовники»; Common Place. — 192 с. ISBN 978-5-6044850-3-3

Ирина Владимировна Ивлева
(irina_ivleva07@mail.ru)

Санкт-Петербургский государственный университет

Цитирование: Ивлева И.В. (2021) Рецензия на книгу: Мохов С. (2021) Археология русской смерти. Этнография похоронного дела в России. М.: ФПСИ «Хамовники»; Common Place. — 192 с. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 24(2): 236–241. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.2.9>

Недавно вышла в свет книга «Археология русской смерти» Сергея Мохова, основанная на результатах исследования похоронного дела в России. Уже ранее автор опубликовал две работы на тему смерти и похорон (Мохов 2018; 2020)*. С одной стороны, люди нередко испытывают суеверный страх перед обсуждением темы смерти. С другой стороны — у антропологов и этнографов погребальная обрядность, поминки, похороны всегда вызывали определенный интерес, поскольку это один из наиболее значимых обрядов перехода (см., например: ван Геннеп 1999; Иванов, Невская 1990; Полицук 1991). Можно вспомнить, насколько сильное впечатление вызывает книга Ф. Арьеса «Человек перед лицом смерти» (Арьес 1992), которая внесла значительный вклад в дискуссию**. В современных условиях в российском обществе появился определенный запрос на изучение темы смерти и похорон, стало развиваться такое направление, как исследования смерти (death studies). Но все равно не хватает современных эмпирических исследований темы смерти, и этот пробел как раз восполняет рецензируемая книга. Ввиду наличия различных проблем

---

* Кроме того, С. Мохов является издателем и редактором одноименного журнала «Археология русской смерти», посвященного изучению рассматриваемой проблематики на постсоветском пространстве.

** Тема смерти поднимается также в философии, психологии, искусстве. На эпатажном отношении к смерти делали себе имя сюрреалисты, написавшие нечто вроде антинекролога на смерть А. Франса под названием «Труп».

в похоронной сфере (дороговизна ритуальных услуг, этические вопросы*) тематика, несомненно, актуальна.

С. Мохов позиционирует себя как антрополог, в своей работе он использовал качественные методы исследования, в том числе метод включенного наблюдения. В ходе своей работы он познакомился с десятками директоров ритуальных агентств по всей стране. Можно высоко оценить наличие живого эмпирического материала в книге, оригинальных цитат. В ней имеются довольно красноречивые фотографии, сделанные в морге, на кладбищах или в ритуальной компании. Кроме этого, автор использует архивные источники, доступную статистику. Однако фокус исследования С. Мохова отличается от традиционных этнографических и антропологических работ, в которых основное внимание приковано к ритуалу. Автор рецензируемой книги исследует скорее то, как видят похороны представители похоронного дела. Он также называет этот бизнес ритуальным, но при использовании словосочетания «ритуальный бизнес» его больше интересует похоронная индустрия. Работа носит описательный характер, автор как будто не претендует на глубину анализа, но одновременно название его работы отсылает к археологии знания М. Фуко, что все же подразумевает некие «раскопки» и глубокий анализ.

С. Мохов начинает свою работу с описания эмпирических результатов исследования, затем переходит к их интерпретации, историческому экскурсу о том, как развивалась похоронная сфера в советский период, и заканчивает книгу обсуждением методологических вопросов и авторской рефлексией. В методологическом плане он ссылается на идеи К. Гирца, П. Бурдьё и представителей рефлексивной антропологии. По ходу изложения привлекаются научные источники по тематике похорон. С. Мохов ставит исследовательские вопросы, например о том, что представляют собой российские похороны, и др. В книге содержится подробное описание, как мертвое тело перемещается от места смерти по инфраструктурной цепочке к конкретному месту погребения. Автор отмечает, что на каждом из звеньев цепи (морг и кладбище) нередко возникают какие-то сложности, препятствия.

Главный акцент в книге С. Мохов делает на неурегулированности похоронной сферы, отсутствии официального статуса у многих кладбищ, которые зачастую не состоят на кадастровом учете, что приводит к тому, что за ними нет надлежащего ухода. Из эмпирических материалов следует, что похоронная инфраструктура в нашей стране находится не в лучшем состоянии, развита слабо (например, не хватает крематориев и пр.).

---

* В некоторых случаях ритуальные компании узнают о смерти человека раньше, чем его родственники, и навязывают им свои услуги.

Системы требований к ее функционированию и качеству товаров и услуг не существует. Похоже, что у похоронного бизнеса нет стимула к оказанию более качественных услуг. Хотя наряду с государственными моргами существуют и частные, уровень сервиса довольно низкий. Тела могут храниться во дворе подобных заведений прямо на снегу или на полу, нередко отсутствуют холодильники. Летом распространяется вонь от некоторых переполненных моргов, трупы умерших в буквальном смысле гниют, дожидаясь захоронения.

По существу, автор приоткрывает нам теневые стороны похоронной индустрии. Например, передача за деньги информации о недавно умерших (так называемые сливы) говорит о коррупции в этой сфере. Также местные власти порой перекалывают ответственность за присмотр над кладбищами на ритуальные компании и/или своих ставленников. К сожалению, С. Мохов, описывая разные такие факты, не упоминает самого понятия коррупции. Приводя примеры неформальных, теневых практик, он не использует концепции неформальной экономики. В каком-то смысле его работу можно было бы отнести и к области экономической антропологии, но С. Мохов этого не делает и не ссылается на литературу по неформальной экономике. В то же время основной штат ритуальных агентств работает неофициально, требуются устойчивые неформальные связи в моргах, на кладбище и с местными властями. В месяц одно похоронное агентство может иметь неплохой оборот, но где-то половина выручки тратится на оплату «сливов», решение проблем с полицией и администрациями.

Наличие сложностей при проведении похорон (различного рода задержки при доставке тела на кладбище — «сбои», «поломки» в терминологии автора) лишь повышает их стоимость, что позволяет увеличить прибыль похоронной компании. Подготовку умершего к выдаче могут намеренно затягивать, тогда как в случае оплаты этой услуги тело могут предоставить через полчаса. Идет торговля участками на городских кладбищах, которые сегодня могут стоить довольно дорого*. Стоимость ритуальных услуг зависит от продолжительности процесса похорон, а расстояния между инфраструктурными объектами, как правило, большие. При прочтении книги создается впечатление, что ритуальные компании не хотят инвестировать средства в свой бизнес, несмотря на солидную выручку**. Например, для представителей похоронного бизнеса важно

---

* По последним данным, в Петербурге стоимость места на кладбище может доходить до 200 тыс. руб.

** Автор упоминает, как порой тратятся деньги владельцами похоронных фирм. Один из известных ему «похоронщиков» пропивает заработанное в ресторанах.

иметь катафалк или грузовую машину. Однако не все компании владеют подходящим транспортом. В тексте приводятся курьезные случаи вывоза покойника в очках на переднем месте обычного автомобиля и т.п.

Видимость похоронной инфраструктуры и ее дисфункциональное состояние, по словам автора, принципиальная черта ритуального бизнеса в России. С. Мохов отмечает, что родственники умершего вынуждены решать вопросы по организации похорон, а не предаваться скорби по близкому человеку. Похороны воспринимаются как особая форма испытания, т.е. преодоление трудностей можно рассматривать как центральный элемент похоронного ритуала. Также одна из ключевых интерпретаций автора состоит в том, что процесс поминовения умерших теперь непосредственно связан с практиками ремонта и ухода за могилой (с. 97). Видимо, эта тенденция идет еще с советских времен, когда похоронное дело находилось в плачевном состоянии. Однако в советский период ресурсы для проведения похорон могло предоставлять предприятие, на котором работал человек. Ссылаясь на некоторых антропологов и социологов, С. Мохов говорит о культурах ремонта (с. 96–99). Особенно в советской повседневности большую роль играли практики ремонта и переделок всего и вся (с. 129–130). В то время эти практики имели нормализующее воздействие, в том числе на похоронную сферу. В этом контексте С. Мохов также ведет речь о советских практиках бриколажа, т.е. пересборки старых объектов и формировании из них новых (с. 116). Здесь он имеет в виду изготовление памятников из подручных средств, но это уже не относится к процессу похорон. Интерпретация в духе практик ремонта, скорее всего, имеет право на существование, хотя тут есть некоторые нестыковки.

В последней части книги С. Мохов ставит вопросы о том, что привело его к исследованиям смерти, что повлияло на его оптику исследования, как какие ошибки он совершил в поле, как видит своих информантов, как поле повлияло на него самого. Автор осуществляет ревизию своей полевой работы, производит рефлексию своего отношения к смерти. Конечно, книга заставляет вспомнить об умерших родственниках. Все это благодаря автоэтнографическим зарисовкам автора, в которых он довольно откровенно рассказывает о своих близких, ушедших из жизни. В этом смысле можно говорить о том, что его работа имеет эвокативный характер, т.е. вызывает эмоции и воспоминания, что довольно значимо в личном нарративе и автоэтнографии (Ellis, Vochner 2000).

Возможно, интерес к исследованиям смерти (death studies) в России объясняется проблематичностью отношений в похоронной сфере. Каждая семья и каждый человек рано или поздно столкнется с похоронной индустрией. Можно предположить, что ситуация с похоронной инфраструктурой

турой в крупных городах лучше, чем в провинции. Кроме того, когда есть деньги, похороны и приготовления к ним проходят без особых эксцессов. Но все же финансово нехлопотные похороны доступны не всем. Также становится ясно, что, несмотря ни на что, в похоронном деле следует поддерживать частные ритуальные компании, потому что ни государство, ни местные власти не в состоянии обеспечить полноценное функционирование похоронной инфраструктуры. Однако требуется также регулировать ритуальный бизнес, чтобы повысить качество услуг.

В книге почти не уделяется внимания обряду прощания и поминальной трапезы, которые и сегодня могут быть довольно значимы в похоронном ритуале. Похороны не сводятся только к столкновению с похоронной инфраструктурой. Видимо, имело бы смысл провести интервью с недавними участниками похоронных ритуалов. Не стоит сбрасывать со счетов их мнение.

Несомненно, работа С. Мохова вносит вклад в отечественные исследования смерти и в собственно антропологию смерти. Благодаря своим публикациям и активной деятельности в каком-то смысле автор популяризирует антропологию как науку, которая может давать практическое знание по разным проблемам для обычных людей. «Археология русской смерти» написана хорошим литературным языком (если не считать использования нецензурных выражений в цитатах), читается на одном дыхании и может быть интересна широкому кругу читателей.

Литература

Арьес Ф. (1992) *Человек перед лицом смерти*. М.: Прогресс; Прогресс-Академия.

Ван Геннеп А. (1999) *Обряды перехода*. М.: Восточная литература РАН.

Иванов В.В., Невская Л.Г. (ред.) (1990) *Исследования в области балтославянской духовной культуры. Погребальный обряд*. М.: Наука.

Мохов С. (2018) *Рождение и смерть похоронной индустрии*. М.: Common Place.

Мохов С. (2020) *История смерти. Как мы боремся и принимаем*. М.: Individuum.

Полищук Н.С. (1991) Обряд как социальное явление (на примере «красных похорон»). *Советская этнография*, 6: 25–39.

Ellis C., Bochner A. (2000) Autoethnography, Personal Narrative, Reflexivity: Researcher as Subject. In: Denzin N., Lincoln Y. (eds.) *Handbook of Qualitative Research*. Sage: Thousand Oaks: 733–768.

BOOK REVIEW: MOKHOV S. THE ARCHEOLOGY OF RUSSIAN DEATH. ETHNOGRAPHY OF FUNERAL BUSINESS IN MODERN RUSSIA. MOSCOW: “KHAMOVNIKI”; Common Place. — 192 p. ISBN 978-5-6044850-3-3

Irina Ivleva

(irina_ivleva07@mail.ru)

Saint Petersburg University

Citation: Ivleva I. (2021) Book review: Mokhov S. The Archeology of Russian Death. Ethnography of Funeral Business in Modern Russia. Moscow: “Khamovniki”; Common Place. — 192 p. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 24(2): 236–241 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.2.9>

References

Aries E. (1992) *Chelovek pered litsom smerti* [The Hour of Our Death]. Moscow: Progress; Progress-Academia (in Russian).

Ellis C., Bochner A. (2000) Autoethnography, Personal Narrative, Reflexivity: Researcher as Subject. In: Denzin N., Lincoln Y. (eds.) *Handbook of Qualitative Research*. Sage: Thousand Oaks: 733–768.

Ivanov V.V., Nevskaya L.G. (1990) *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoy dukhovnoy kul'tury. Pogrebal'nyy obryad* [Studies in the Field of Balto-Slavic Spiritual Culture. Funeral Rite]. Moscow: Nauka (in Russian).

Mokhov S. (2018) *Rozhdeniye i smert' pokhoronnoy industrii* [The Birth and Death of the Funeral Industry]. Moscow: Common Place (in Russian).

Mokhov S. (2020) *Istoriya smerti. Kak my boremsya i prininamayem* [Death Story. How We Fight and Accept]. Moscow: Individuum (in Russian).

Polishchuk N.S. (1991) Obryad kak sotsial'noye yavleniye (na primere «krasnykh pokhoron») [Rite as a Social Phenomenon (on the Example of the “Red Funeral”)]. *Sovetskaya Etnographiya* [Soviet Ethnography], 6: 25–3 (in Russian).

Van Gennep A. (1999) *Obryady perekhoda* [The Rites of Passage]. Moscow: Vostochnaya literatura RAN (in Russian).